

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С К А З К А

о

З о л о т о м ъ п ѣ т у ш к ѣ .

Нѣгдѣ, въ тридевятиомъ царствѣ,
Въ тридесятиомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ:
Съ молоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подѣ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ,
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали;
Но никакъ не успѣвали.
Ждутъ, бывало, съ юга, — глядь,
Анъ съ востока лѣзетъ рать!
Справятъ здѣсь, — лихія гости
Идутъ отъ моря: — со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.

Т. IX. — Отд. I.

10

Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ, онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу:
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ, мудрецъ передъ Дадономъ
 Сталъ, и вынулъ изъ мѣшка
 Золотаго пѣтушка.
 «Посади ты эту птицу,»
 Молвилъ онъ царю, «на спицу:
 Коль повсюду будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишь-чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ, и встрепенется
 И въ то мѣсто обернется.»
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулить.
 «За такое одолженъе,»
 Говоритъ онъ въ восхищеньи,
 «Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы,
 Сталъ стеречь его границы:
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ сосна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется,
 И кричитъ—Кири-ку-ку!

 И сосѣди присмирѣли,

Воевать уже не смѣли :
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ!

Годъ, другой, проходитъ мирно;
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ, однажды царь Дадонъ,
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ :
 «Царь ты нашъ! отецъ народа!»
 Возглашаетъ воевода :
 «Государь! проснись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, зѣвая :
 А?... Кто тамъ?... Бѣда какая? —
 Воевода говоритъ :
 «Пѣтушокъ опять кричитъ ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку, — анъ на спицѣ,
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлитъ нечего: «Скорѣ!
 Люди, на конь! Эй, живѣ!»
 Царь къ востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ, проходитъ восемь дней,
 А отъ войска пѣтъ вѣстей:
 Было ль, не было ль сраженья, —
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять.
 Кличетъ царь другую рать ;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова.
 Пѣтушокъ опять утихъ.

*

Снова вести вѣтъ отъ нихъ!
Снова восемь дней проходить ;
Люди въ страхъ дни проводятъ ,
Пѣтушокъ кричитъ опять :
Царь скликаетъ третью рать ,
И ведетъ ее къ востоку, —
Самъ не зная, быть ли проку !

Войска идутъ день и ночь :
Нимъ становится не въ мочь ;
Ни побоища , ни стана ,
Ни надгробнаго кургана ,
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ .
«Что за чудо?» мыслить онъ .
Вотъ , осьмой ужъ день проходить ,
Войско въ горы царь приводитъ ,
И , промежъ высокихъ горъ ,
Видитъ шелковой шатерьъ :
Все въ безмолвіи чудесномъ ;
Вкругъ шатра , въ ущельи тѣсномъ ,
Рать побитая лежитъ .
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ.....
Что за страшная картина !
Передъ нимъ его два сына ,
Безъ шоломовъ и безъ латъ ,
Оба мертвые лежатъ ,
Мечъ возивши другъ во друга .
Бродятъ кони ихъ средь луга
По приотпанной травѣ ,
По кровавой муравѣ.....
Царь завылъ : «Охъ дѣти , дѣти !
Горе мнѣ ! Попались въ сѣти
Оба наши сокола !
Горе ! смерть моя пришла .»
Всѣ завыли за Дадонемъ ;
Застонала тяжкимъ стономъ

Глубь долинъ, и сердце горь
Потряслося. Вдругъ шатерь
Распахнулся..... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обонхъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась, — и съ поклономъ
Его за руку взяла,
И въ шатерь свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потомъ, недѣлю ровно, —
Покорясь ей безусловно, —
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ, и въ путь обратной,
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой,
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близь воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ:
Всѣ бѣгутъ за колесницей,
За Дадономъ и царицей;
Всѣхъ приветствуетъ Дадонъ.....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой,

Весь какъ лебедь посядѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
«А, здорово, мой отецъ?»
Молвилъ царь ему: «что скажешь?
Подъ поближе! Что прикажешь?»
— Царь! отвѣтствуетъ мудрецъ :
Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Общался мнѣ, какъ другу ,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу ,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты?» старцу молвилъ онъ :
«Или бѣсъ въ тебя ввернулся?
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, общалъ ,
Но всему же есть граница !
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полъ царства моего!»
— Не хочу я ничего!
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу,
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ. —
Плюнулъ царь : «Такъ лихъ же ! Нѣтъ ,
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь :
Убирайся, цѣль пока !
Оттащите старика !»
Старичокъ хотѣлъ заспорить ;

Но съ инымъ накладно вздорить :
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу, — тотъ упалъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ. Вся столица
 Содрогнулась; а дѣвица —
 Хи хи хи! да — ха ха ха!
 Не боится; знать, грѣха.
 Царь, хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ, въѣзжаетъ въ городъ онъ:
 Вдругъ раздался легкой звонъ,
 И, въ глазахъ у всей столицы,
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы;
 Къ колесницѣ полетѣлъ,
 И царю на темя сълъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя,
 И взвился; и, въ то же время,
 Съ колесницы палъ Дадонъ!
 Охнулъ разъ,—и умеръ онъ.
 А царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе не бывало.

.....

А. ПУШКИНЪ.

ПРОЩАНІЕ

СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

=

Сокрылось солнце за Невою,
 Роскошно розами горя.
 Въ послѣдній разъ передо мною
 Горишь ты, Невская заря!